

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ
МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. А. ФРЕЙБЕРГ и М. Л. ГАСПАРОВА

Перевод с древнегреческого и комментарии

Э. Г. Юнца

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ПЛУТАРХ
МОРАЛИИ

ОБ УДАЧЕ ИЛИ ДОБЛЕСТИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Е 1. Вчера ¹, кажется, мы забыли сказать о том, что царствованию
Александра посчастливилось стать веком расцвета многих искусств
и великих дарований, хотя это, пожалуй, не Александру, а скорее
им повезло: разве не получили они знатока и судью, который лучше
кого бы то ни было мог оценить выдающееся произведение и щедрее
всех вознаградить за него? Говорят, в более поздние времена жил
Архестрат, замечательный поэт, но никому неизвестный и прозябав-
ший в бедности; однажды ему кто-то сказал: «Вот если бы ты жил
при Александре, за одну строчку он бы тебе подарил Кипр или
Финикию» ². И я считаю, что лучшие из тогдашних мастеров появи-
лись не столько при Александре, сколько благодаря Александру.
Ведь урожаи бывают обильными там, где есть мягкий климат и
разреженный воздух, а искусства и дарования расцветают благодаря
радущию, щедрости и доброте царя и, наоборот, угасают и сходят на
нет вследствие недоброжелательства, скупости и придирчивости
правителей. Рассказывают, что тиран Дионисий, слушая прослав-
ленного кифареда, пообещал ему в награду талант, а на следующий
день, когда тот потребовал обещанное, заявил: «Вчера ты порадовал
334 меня своим пением, порадовал и я тебя надеждами; стало быть, за
принесенное тобой удовольствие ты вознагражден тем, что немедленно
получил удовольствие сам». Александр, тиран Ферский (только
так его следовало называть и не позорить само имя!), глядя на вдох-
новенную игру трагического актера, пришел в необычайный восторг
и был растроган до слез. Вскочив с места, он поспешно вышел из
театра со словами: «Недопустимо, чтобы казнившего столькох граж-
дан увидели плачущим над страданиями Гекубы и Поликсены».
В Он даже готов был подвергнуть актера наказанию за то, что тот
размягчил его душу словно железо ³. Архелаю, который считался
скуповатым на подарки, Тимофеей, выступая с пением, много раз
намекал таким отрывочком:

¹ Любопытное указание на то, что двухчастная структура этой речи соответствует ее произнесению в два приема. Ср. такое же вступление ко второй части другой декламации Плутарха «Об употреблении в пищу мяса» (Mor. 996 D).

² Согласно Горацию (Epist. II, 1, 232; Epist. ad Pis. 357. Cf. Auson. Epist. 10, pr.), Александр щедро оплачивал золотой монетой даже скверные стихотворения Херила.

³ С анекдотом об Александре Ферском ср. P l u t., Pelop. 29; A e l., V. H. XIV, 40. Трагедия, которая привела тирана в такое волнение, согласно Плутарху, «Троянки» Еврипида. По тексту же Элиана можно предположить, что это была одна из несохранившихся трагедий Еврипида «Кресфонт».

Сулишь ты серебро землерожденное,

на что Архелай не без остроумия однажды возразил: «Зато просишь ты»⁴. Скифский царь Антей, к которому в плен попал флейтист Исмений, приказал ему во время попойки сыграть на флейте. И хотя все присутствующие восхищались игрой и дружно рукоплескали, царь поклялся, что конское ржание ему нравится больше⁵. Вот до какой степени уши его были далеки от Муз, а душа погрязла в стойле, достойная не столько коней слушать, сколько ослов! Ну какой, в самом деле, может быть расцвет искусствам или почет Музе при таких-то царях? Да они просто не терпят соперников рядом с собой, а потому клеветой и враждой стараются погубить по-настоящему даровитых людей⁶. Таков был, опять таки Дионисий: поэта Филоксена он отправил в каменоломни за то, что написанную тираном трагедию, которую ему велено было выправить, он целиком, от первой до последней буквы, зачеркнул⁷. Да и Филипп, чересчур поздно получивший начатки образования, в этом отношении был недостоин себя и по-ребячески самоуверен; рассказывают, что с одним арфистом он затеял спор о музыке и решил было, что посрамил его, на что тот, улыбнувшись, спокойно ответил: «Да не случится с тобой, царь, такого несчастья, чтобы пришлось тебе разбираться в этом лучше меня»⁸.

2. Зато Александр знал, где нужно быть зрителем и слушателем, а где — участником и исполнителем: он неустанно упражнялся в мастерском владении оружием, чтобы сделаться, по выражению Эсхила

бойцом могучим, гибелью противникам⁹

тем более, что это искусство унаследовал от своих предков Эакидов

⁴ Ответ Архелая комичен еще и тем, что слова «сулишь» и «просишь» в подлиннике различаются лишь одной буквой. Архелай — македонский царь (413—399 гг. до н. э.), при дворе которого провел последние годы своей жизни Еврипид. Тимофей из Милета — знаменитый поэт, сочинитель и исполнитель музыки. Анекдот об Архелее и Тимофее см. также P l u t., Reg. et imp. ar. 177B. Cp. P l u t., Reg. et imp. ar. 177A, где Архелай, наоборот, представлен истинным покровителем искусств, щедрым по отношению к тем, кто заслуживает награды.

⁵ Анекдот о скифском царе и флейтисте встречается у Плутарха еще дважды: Reg. et imp. ar. 174 E; Non posse suav. viv. sec. Epic. 1095 F. Имя царя рукописи передают в различных вариантах: Ἀντέας, Ἀνταίας, Ἀτέας, Ἀττέας. Его принято отождествлять с упомянутым у Страбона (VII, 307) правителем северопоптийских варваров Атеем (Ἀτέας), который воевал с отцом Александра Филиппом. Известны монеты этого царя с надписью ΑΤΑΙΑΣ или ΑΤΑΙΑ, подлинность которых, однако, нельзя считать доказанной (В. М. Брабич, Подлинна ли монета Атея из собрания Эрмитажа? «Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики», Л., 1977, стр. 152—155).

⁶ Испорченное место. Перевод по конъектуре Набера.

⁷ О литературных упражнениях сиракузского тирана Дионисия Старшего (405—367 гг. до н. э.) и отношениях его с поэтом Филоксеном см. P l u t., Tranq. an. 471 E; D i o d., XV, 6; A e l., V. H. XII, 44; L u c., Adv. indoct. 15; C i c., Tusc. V, 22, 63; A m m. M a g c., XV, 5, 37.

⁸ Анекдот о Филиппе и кифаристе см. также P l u t., Adul. ab amic. intern. 67 F; Reg. et imp. ar. 179 B; Quaest. conv. 634 D. Cp. Alex. 4, где Плутарх осуждает тщеславие Филиппа, который мнил себя мастером красноречия, а победы своих колесниц в Олимпии увековечил изображениями на монетах. В полном противоречии с этим в другом анекдоте о Филиппе (Pericl. 1) Плутарх вкладывает ему в уста рассуждения о том, что несовместимо с царским достоинством проявлять к музыке чрезмерный интерес, а тем более выставлять себя знатоком в этом искусстве.

⁹ Этот же стих Эсхила (PLG, vol. 2, p. 242=ALG, fasc. 1, p. 78) процитирован Плутархом еще трижды: Fort. Rom. 317 E; Quaest. conv. 640 A; Comp. Cic. et Dem. 2.

и Геракла¹⁰, зато в остальных искусствах он без чувства зависти уступал почести другим соответственно их заслугам и мастерству и не позволял себе из тщеславия пускаться в подражание им. Жили при нем прославленные трагические актеры Фессал и Афинодор. Однажды они состязались друг с другом, причем хорегами были кипрские цари, а судьями — наиболее опытные из полководцев. Когда победу присудили Афинодору, Александр воскликнул: «Я предпочел бы потерять часть своего царства, чем видеть Фессала побежденным». Тем не менее, он не стал просить судей или бранить их приговор, полагая, что хотя он и вознесен властью над всеми, но справедливость обязан соблюдать¹¹. А знаменитейшим из комедийных актеров тогда был Ликон из Скарфеи. Играя в одном из спектаклей, к своей роли он добавил строку с просьбой о подарке: Александр рассмеялся и подарил ему десять талантов¹². Много тогда было и великих кифаредов, в том числе Аристоник, который погиб смертью отважных, поспешив кому-то на помощь в одном из сражений¹³. Так вот, Александр приказал изваять и установить в Пифийском святилище¹⁴ его медную статую с кифарой в руках и коньем наперевес, не только мужу этому воздавая почести, но и музыку славя за то, что она делает людей мужами и как ничто другое наполняет божественным вдохновением и рвением тех, кто по-настоящему воспитан. Он и сам однажды, когда Антигенид исполнял на флейте колесничный напев¹⁵, под действием мелодии пришел в такое возбуждение и неистовство, что кинулся к лежавшему поблизости оружию и схватил его в руки¹⁶, подтвердив этим правоту спартацев, у которых поется:

к оружию влечет прекрасный звон кифар¹⁷.

Живописец Апеллес и ваятель Лисипп были тоже современниками Александра. Первый изобразил царя с молнией в руке¹⁸ так живо и точно, что говорили, будто из двух Александров Филиппов —

¹⁰ Через Карана, легендарного основателя Македонского царства, свой род по отцу Александр возводил к Гераклу, а по матери он считался потомком Неоптолема, сына Ахилла, внука Пелея, правнука Эака (Plut., Alex. 2).

¹¹ С учетом конъектуры Ричардса перевод может быть иным: «...полагая, что в военном деле он превосходит всех, по этому решению суда должен подчиниться».

¹² Оба эти анекдота о знаменитых актерах — афинянах Фессале и Афинодоре, а также скарфейце Ликоне — приведены у Плутарха и в биографии Александра (29), откуда явствует, что они объединены общим местом действия: все трое участвовали в театральных состязаниях, устроенных Александром по возвращении из Египта в Финикию (332 г. до н. э.). Согласно Харету Митиленскому (Chares ap. Athen. XII, 538 sq.), эти же три актера выступали на торжествах, связанных с бракосочетанием Александра в Сузах (324 г. до н. э.). Об особом расположении Александра к Фессалу см. также Plut., Alex. 10.

¹³ Аристоник из Олинфа — придворный кифаред Филиппа II (см. Athen., X, 435 B) и Александра, сопровождавший последнего в его персидском походе. Поллэн (V, 44, 1) называет его самым знаменитым кифаредом своего времени. Погиб Аристоник в Согдиане в 328 г. до н. э. в случайной стычке с отрядом Спитамена. (A g r., Anab. IV, 16, 6—7).

¹⁴ Храм Аполлона в Дельфах.

¹⁵ Старинная боевая песнь, сочинение которой приписывалось Олимпу, ученику мифического изобретателя флейты Марсия (см. Plut., De mus. 1133 E, F).

¹⁶ Антигенид Фиванский — известный флейтист и сочинитель музыки первой половины IV в. до н. э. Сходный с этим рассказ имеется у Диона Хрисостома (I, 1), однако там флейтист назван Тимофеем. О Тимофее см. прим. 4.

¹⁷ Этот же стих Алкмана (PLG, vol. 3, p. 51) Плутарх цитирует в жизнеописании Ликурга (21, 6). С учетом конъектуры Скалигера он может быть переведен иначе: «Железу (оружию) не уступает прекрасная игра на кифаре».

¹⁸ Эту же картину Плутарх упоминает в биографии Александра (4, 3). Согласно Плинию Старшему (XXXV, 36), она находилась в храме Артемиды Эфесской.

В непобедим, а Апеллесов — неповторим. Лисипп же впервые изваял Александра взирающим вверх, с лицом, обращенным к небу (именно так часто выглядел Александр, слегка повернув в сторону шеи), на что кто-то не без остроумия сочинил эпиграмму:

Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:
«Землю беру я себе, ты же Олимпом владей»¹⁹.

За это Александр издал указ, чтобы никто кроме Лисиппа не делал его статуй²⁰. Похоже, что он был единственным, кто умел показать в бронзе нрав царя и вместе с тем отразить в наружности его доблесть; другие же, стараясь воспроизвести характерный наклон шеи, томность и мягкость взора, упустили в нем мужественное, нечто львиное²¹. В числе других тогдашних мастеров был и зодчий Стасикрат, чьи проекты никогда не отличались скромностью, вкусом и изяществом, но, напротив, чрезмерным размахом и пышностью своей требовали немалых затрат царской казны. Явившись к Александру, он принялся бранить его живописные, лепные и резные изображения как дело рук жалких и ничтожных мастеров. «А я, — сказал он, — могу воздвигнуть тебе памятник из несокрушимого, вечного материала, на мощном основании, наделенный тяжестью незыблемой и непоколебимой. Дело в том, что фракийский Афон в том месте, где он вздымается на наибольшую высоту и виден отовсюду, имеет ширину и высоту вполне подходящие, а также выступы и впадины, напоминающие части человеческого тела, и эту гору, если ее обработать и придать ей определенную форму, можно превратить в статую Александра, подножием своим уходящую в море, в левой руке держащую город с многотысячным населением, а в правой — чашу, из которой, как бы совершая возлияние, будет низвергаться в море неиссякающий поток воды. А золото, медь, слоновую кость, дерево и краски — эти слабые подобия, которые можно к тому же купить, украсть или уничтожить, лучше отвергнуть». Выслушав это, Александр удивился дерзости замысла и похвалил художника, но сказал:

¹⁹ Это двустишие, цитируемое Плутархом здесь и выше (Fort. Alex. 331 A), представляет собой конец эпиграммы (Anth. Pal. XVI, 120), которая полностью выглядит так:

Полный отважности взор Александра и весь его облик
вылил из меди Лисипп. Словно живет эта медь!
Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:
«Землю беру я себе, ты же Олимпом владей».
(Пер. Л. Блауменау)

Автором эпиграммы Палатинская антология называет Архелая или Асклепиада.

²⁰ Об этом же указе см. P l u t ., Alex. 4; A g r., Anab. I, 16, 4. Об исключительном праве Лисиппа и Апеллеса изображать Александра в скульптуре и живописи говорится у Циперона (Ad fam. V, 12, 7), Горация (Epist. II, 1, 239) и Валерия Максима (VIII, 11, ext. 2). Согласно Плинию Старшему (VII, 125) изображать Александра на картинах дозволялось только Апеллесу, ваять в мраморе — Пирготелю, в бронзе — Лисиппу.

²¹ Характерный для Александра наклон шеи Плутарх упоминает еще дважды: Adul. ab amic. intern. 53 C; Alex. 4. Сходство со львом отмечено в эпиграмме Посидиппа (Anth. Pal., XVI, 119)

Мастер со смелой рукой, Лисипп, сикионский ваятель,
дивно искусство твое! Подлинно, мечет огнем
медь, из которой ты образ отлил Александра. Не вправа
персов хулить мы: быкам грех ли бежать перед львом?
(Пер. Л. Блауменау)

«Позволь уж Афону остаться на своем месте. Хватит и одного царя, о дерзости которого он напоминает²². Обо мне напоминать будут Кавказ, Эмоды²³, Танаис и Каспийское море. Вот памятники моих деяний!»²⁴.

3. Но допустим, клянусь богами, это удивительное творение рук человеческих было бы создано и представлено всем на обозрение! Мог бы кто-нибудь, взглянув на его великолепие, стройность пропорций и очертаний, допустить мысль, что оно возникло случайно, само по себе? А то же самое подумать о громовеержце? Или о статуе, которую называют копыеносцем?²⁵ Думаю, что нет. Да и величественной статуя бы не получилась случайно, без участия художника, который извел и потратил на это золото, бронзу, слоновую кость и много других дорогостоящих материалов. Так возможно ли, чтобы великий муж, более того, величайший из всех когда-либо существовавших, стал бы таковым, не имея Доблести, благодаря лишь Удаче, предоставившей ему войска и деньги, флот и конницу? Тому, кто не умеет всем этим воспользоваться, это — опасность, а не опора могущества, не украшение, а доказательство бессилия и ничтожества. Прав был Антисфен²⁶, говоря, что «всякого добра следует желать врагам, кроме мужества. Тогда от своих владельцев добро перейдет к победителям». Потому, говорят, природа и наделила трусливейшее из животных, оленя, удивительно огромными и острыми рогами, чтобы показать нам, что никакой нет пользы от силы и вооружения тем, кто не умеет за себя постоять. Точно так же Удача, нередко предоставляя малодушным и безрассудным могущество и власть, которыми они все равно не умеют воспользоваться как подобает, тем самым славит и величит Доблесть, ибо только в ней заключается величие мужа и его красота. Ведь если, как говорит Эпихарм,

видит разум и слышит разум, слепо и глухо прочее²⁷,

то это потому, что оно нуждается в разуме. Конечно, и телесные ощущения имеют свои достоинства, но только духовное начало по-

²² Намек на общеизвестный рассказ Геродота (VII, 22—24) о том, как Ксеркс приказал прорыть через Афонский перешеек широкий и глубокий канал для своего флота. Постройка канала, по мнению Геродота, была продиктована не столько военной необходимостью, сколько тщеславием Ксеркса, желавшего продемонстрировать свое могущество и соорудить себе памятник.

²³ Горный хребет в Северной Индии (S t r a b o, XV, 698; A r r., Ind. 2, 3; 6, 4).

²⁴ Анекдот об Александре и Стасикрате см. также P l u t., Alex. 72. О проекте превращения Афона в статую Александра см. Strabo, XIV, 641; L u c., Hist. conscr. 12, Pro imag. 9; V i t r u v., II pr. 2, 3; C i c., Rep. III, fg. 5. Автора проекта источники именуют по-разному: Стасикрат (у Плутарха), Динократ (у Витрувия), Хирократ (у Страбона).

²⁵ Имеются в виду вышеупомянутые (Fort. Alex. 335, A, B) картина Апеллеса и статуя Лисиппа, из которых первая изображала Александра с молнией, вторая — с копьём в руке. Ср. P l u t., Isid. et Osir. 360 D.

²⁶ Антисфен из Афин — философ, основатель кинической школы.

²⁷ Эпихарм — философ-пифагореец, автор множества небольших комедий, в острой форме критикующих взгляды Парменида, Гераклита и других мыслителей и излагающих его собственную систему. Приводимый здесь стих (Плутарх его цитирует в «Моралиях» еще дважды: De fort. 98 B, De sollert. animal. 961 A) входил в состав принадлежавшего Эпихарму сборника стихотворных философских афоризмов «Достославные изречения». Идея о том, что окружающий мир человека воспринимает разумом, телесные же чувства сами по себе, без его участия, не дают никакой информации, возможно, принадлежит не самому Эпихарму, а восходит к одному из его предшественников: Порфирий (v. Pyth. 46) приписывает ее Пифагору. Так или иначе, в позднейшие времена она была весьма популярна: Лукреций (III. 360) ее критикует как распространенное заблуждение, а в «Тускуланских беседах» (I, 20, 46) ее упоминает Цицерон.

настоящему полезно, только оно украшает человека, оно побеждает, властвует и царит, а все остальное, за исключением Доблести — слепое, глухое, бездушное — лишь тянет за собой, влечет ко дну и позорит своих владельцев²⁸, и это показывают факты. Располагая одинаковой властью, управляя одной и той же державой, Семирамида, хоть она и была женщиной, снаряжала флотилии, вооружала фаланги, строила Вавилоны, совершала плавания вдоль берегов Эритрейского моря, покоряя эфиопов и арабов. Сарданапал же, хоть и рожден был мужчиной, чесал дома пурпурную шерсть, сидя на возвышении среди наложниц²⁹, а после смерти его воздвигли каменное изваяние, где он был изображен приплясывающим на варварский манер сам с собой, как бы прищелкивая над головой пальцами, и надписали: «Ешь, пей, наслаждайся любовью. Все остальное — ничто»³⁰. Кратет, увидя стоящую в Дельфах золотую статую гетеры Фрины, воскликнул, что это — трофей от невоздержности эллинов³¹, а взглянув на жизнь Сарданапала или его гробницу (думаю, разницы здесь нет никакой), любой сказал бы, что это — трофей от милостей Удачи. Так что же? Неужто мы допустим, чтобы вслед за Сарданапалом Удача коснулась Александра и приписала себе его величие и могущество? Чего же такого она дала ему больше, чем получили от нее другие цари? Войск, конницы, оружия, денег, телохранителей? Тогда пусть, если может, с их помощью Удача сделает великим Аридея, пусть сделает великим Амасиса или Оха, Оарса, или Тиграна Армянского, или Никомеда Вифинского, из которых один, сложив диадему к ногам Помпея, свое царство, ставшее военной добычей, с позором получил обратно³², Никомед же, выбрив голову и надев на нее войлочный колпак, во всеуслышание объявил себя вольноотпущенником римлян³³.

4. Скорее мы бы сказали, что Удача создает слабых, робких и малодушных, однако несправедливо как пороки приписывать отсутствию Удачи, так и мужество с мудростью — ее благоволению. А не сказать ли наоборот, что Удача возвеличилась благодаря Александру?³⁴ Ведь он был знаменит, непобедим, великодушен, незаносчив и человеколюбив, а когда его уже не стало, про войско его, сразу охваченное смутой, раздираемое внутренней борьбой, Леофен

²⁸ Ср. сходные рассуждения у Платона (Menex. 246 E).

²⁹ Похвальные отзывы о доблести Семирамиды (Plut., Amat. 753 E; Dioid., II, 7—20; Iustin., I, 2, 6—9; Curt., IX, 6, 23) равно как и уничтожающие характеристики Сарданапалу (Dioid., II, 23; Iustin., I, 3; Athen., XII, 528 F; Cic., Rep. III, fg. 4) — общее место у античных авторов.

³⁰ Эпитафию Сарданапала, явно вымышленную, охотно цитируют, то в прозе, то в стихах, многие авторы: Plut., Fort. Alex. 330 F (=Anth. Pal. VII, 325); De laud. ipsius 546 A; Dioid., II, 23; Cic., Tusc. V, 101 (cf Cic., De fin. bon. et mal. II, 106); Chrystipp. ap. Athen. VIII, 336 A; Aristob. ap. Athen. XII, 530 B; Agr., Anab. II, 5, 3; Suda s. v. Σαρδανάπαλλος. Как общеизвестную, ее пародировал философ-кирик Кратет (Diog. Laert., VI, 86 = Anth. Pal. VII, 326).

³¹ О статуе Фрины и изречении Кратета см. Plut., Pyth. orac. 401 A; Ael., V. N. IX, 32; Alcet. ap. Athen. XIII, 591 B. Диоген Лаэртский (VI, 60) приписывает это изречение учителю Кратета, Диогену Синопскому.

³² Подробнее см. Plut., Pomp. 33; Comp. Cim. et Luc. 3. «Получил обратно» (ἀνέλαβε) — по конъектуре Вилламовица (в рукописях: ἀπέλαβε «снова отвоевал, вернул себе»).

³³ Ошибка: «вольноотпущенником римлян» назвал себя не Никомед II Эпифан (149 — около 127 гг. до н. э.), а его отец Прусий II (182—149 гг. до н. э.). Эпифан этот имел место в 167 г., во время пребывания Прусия в Риме, куда он прибыл с сыном Никомедом, чтобы принести сенату свои поздравления по поводу победы римлян в III Македонской войне (см. Polub., XXX, 19; Dioid., XXXI, 15; Arr., Mithr. 2; Liv., XLV, 44, 18—20).

³⁴ В тексте лакуна. Перевод по конъектуре Поленца.

- F сказал, что оно напоминает ослепленного Киклопа, который бесцельно шарит повсюду руками ³⁵: так поколеблена была, расшатаана и ослаблена безначалием его сила. Больше того, словно труп, покинутый душой, теряет плотность, становится рыхлым, разлагается и перестает существовать, вот так же войско, потеряв Александра, билось в конвульсиях и трепетало в агонии (причем Пердикки и Мелеагры, Селевки и Антигоны, пока сердце как бы продолжало еще биться и дыхание было теплым, ссорились и враждовали между собой), а под конец, затихнув и скончавшись, словно червями начало кишеть ничтожными царями и полудохлыми властителями. Сам Александр, похоже, предвидел это, сказав с укоризной Гефестиону, когда тот поссорился с Кратером: «Да чем бы ты был, если б отняли у тебя Александра?» ³⁶. А я не побоюсь то же самое сказать и тогдашней Удаче: «Да в чем же твое величие, в чем твоя слава, где твоя сила и непреодолимая мощь, если б отняли у тебя Александра?» Иными словами: «А если б отняли у тебя знание военного дела, щедрость на денежные награды, воздержание от роскоши, смелость в состязаниях, кротость к подчиненным? Сделай, коль можешь, великим другого, кто не раздаст щедро денег, кто в военных походах не подвергается опасности первым, кто не ценит друзей, кто не проявляет милосердия к пленным, кто не соблюдает меры в наслаждениях, кто не бодрствует в опасности, кто, будучи победителем, не отходит легко от гнева, кто на вершине успеха теряет человеколюбие. Кто из облеченных властью может стать великим, если погряз в тупоумии и пороках? Отними Доблесть у того, кто процветает, и он — полное ничтожество: в выражении благодарности скареден, в трудах изнежен, в почитании богов суверен, к достойным людям завистлив, среди мужей труслив, среди женщин сластолюбив». Подобно тому как бездарные художники под небольшой жертвенный дар прилаживают несуразно большую подставку и тем лишь подчеркивают его скромные размеры, так и Удача, толкая на выдающиеся, блестящие деяния ничтожные натуры, тем сильнее изобличает их и покрывает позором, когда те по легкомыслию терпят поражение и неудачу ³⁷.
- С
- D 5. Значит, не в том величие, чтобы владеть благами, а в том, как пользоваться ими ³⁸, ибо даже грудные младенцы наследуют от отцов царский сан и власть, как это было с Хариллом ³⁹, которого Ликург прямо в пеленках принес на общую трапезу и объявил вместо себя царем Спарты; ясно, что не младенец был велик, а тот, кто младенцу отдал отцовское почетное звание, вместо того чтобы, похитив, присвоить его себе. Но кто бы смог великим сделать Аридея, который от младенца-то ничем не отличался, которого Мелеагр, словно в пеленки запеленав, облачил в порфиру и посадил на пре-

³⁵ Это же изречение в других местах (Galb. 1; Reg. et imp. ap. 181 F) Плутарх приписывает оратору Демаду. Леосфен — талантливый афинский военачальник, которому антимакедонская коалиция была обязана своими успехами в начальный период Ламийской войны (погиб при осаде Ламии в начале 322 г. до н. э.).

³⁶ Анекдот о ссоре Гефестиона с Кратером Плутарх приводит и в биографии Александра (47).

³⁷ Ср. сходные рассуждения Плутарха: Ad princ. inerud. 779 F, 782 E; Praecept. ger. ger. 820 F.

³⁸ Эту же мысль Плутарх развивает в следующих местах: De fort. 99 F; Coniug. praesert. 137 E; De cupid. divit. 525 B).

³⁹ Неточность: младенца, как сказано в жизнеописании Ликурга (3) и как это явствует из приводимой там же этимологии этого имени, звали не Хариллом, а Харилаем.

стол Александра ⁴⁰, — и хорошо, право же, сделал, так что всего несколько последующих дней показали, как царствуют люди, опираясь на Доблесть, и как — с помощью Удачи. Вместо подлинного актера ⁴¹ на сцену власти он вывел жалкого шута, или лучше сказать, выставил на театральные подмостки вселенной немого статиста ⁴².

Груз снесет и жена, если муж ей на спину взвалит ⁴³.

Так вот, правильнее было бы сказать наоборот: взять и взвалить на кого-нибудь могущество, богатство, власть по силам даже женщине и ребенку (Оарсу и Дарию Персидское царство поднял и преподнес евнух Багой) ⁴⁴, зато выдержать на своих плечах огромную власть и справиться с нею, не подломиться, не рухнуть под тяжестью бесчисленных государственных дел под силу лишь мужу, которому присущи Доблесть, высокий образ мыслей и ум. Именно таков был Александр, хотя кое-кто упрекает его в склонности к вину и даже в пьянстве. И тем не менее это был великий муж, ибо в государственных делах он всегда был трезв, не опьяняясь властью и могуществом, тогда как другие, вкусив и испробовав от них самую малость, теряют над собой всякий контроль:

Простолюдин, внезапно ставши богачом,
иль должность государственную зацвявши,
встает на дыбы, как только в люди выбился ⁴⁵.

⁴⁰ Аридей — слабоумный сын Филиппа II от гетеры Филины. О попытке возвести его на царство после смерти Александра и роли, какую в этом играл Мелеагр, см. P l u t., Alex. 77; D i o d., XVIII, 2; I u s t i n., XIII, 3; C u r t., X, 7.

⁴¹ Ἀγωνιστής здесь в значении «театральный актер» (ср. P l u t., Quaest. conv. 717 С).

⁴² Δορυφόρος — в соответствии с конъектурой Поленпа (рукописи: δαδβημα), предложенной на основании P l u t., An seni sit ger. resp. 791 E.

⁴³ Этот же гекзаметр дословно воспроизведен у Аристофана во «Всадниках» (ст. 1056) и, как указывает сходя к нему, представляет собой цитату из киклической поэмы «Малая Илиада». По словам схолиаста, в данном фрагменте поэмы шла речь о том, как поссорились, претендуя на звание храбрейшего среди ахейцев, Аянт и Одиссей, и Нестор посоветовал эллинам, отправив кого-нибудь под стены Трои, разузнать, что там говорят насчет мужества обоих героев. Лазутчикам удалось тайком подслушать, как спорят между собой троянские девушки. Одна утверждала, что Аянт отвагой и мощью превосходит Одиссея, говоря:

«Он ведь, взвалив на себя, из жестокого вынес сраженья
тело Целида. Меж тем, Одиссей не сумел это сделать!»

А другая, по наущению Афины, возражала ей:

«Экий, подруга, ты вздор говоришь! Не к лицу тебе это!
Груз снесет и жена, если муж ей на спину взвалит».

(Намек на то, что Одиссей в сражении отстоял тело Ахилла от троянцев и дал Аянту возможность унести его). То обстоятельство, что Аристофан и Плутарх цитируют последний стих как общеизвестный, без ссылки на источник, свидетельствует о его популярности в качестве поговорочного выражения.

⁴⁴ Египтянин Багой — вселильный временщик при дворе трех последних ахеменидских царей: Артаксеркса III Оха (358—338 гг. до н. э.), Арса (338—336 гг. до н. э.) и Дария III Кодомана (336—330 гг. до н. э.). Отравив Артаксеркса III, Багой возвел на престол его младшего сына Арса, но когда стало ясно, что новый царь не оставит убийство отца безнаказанным, Багой и его умертвил на третий год царствования, после чего привел к власти Кодомана, представителя боковой ветви царствующей династии. Впоследствии, когда Багой попытался отравить и его, заговор был раскрыт и евнуха самого заставили выпить яд (D i o d., XVII, 5. Cf. S t r a b o, XV, 736 A; A r t., Anab. II, 14, C u r t., VI, 4, 10; A e l., V. H. VI, 8). Следует отметить несколько искаженное в передаче Плутарха (Mor. 336 D; 337 E) персидское имя Ὀαρσής, которое другие греческие авторы транскрибируют более точно: Ἀρσής, Ἀρσής, Ἀρσής.

⁴⁵ Цитата из несохранившейся трагедии Еврипида «Эрехтей». Ср. сходные рассуждения у Фукидида (IV, 17, 4).

338 Клит, уничтожив при Аморгосе три или четыре греческих триеры, присвоил себе имя Посейдона и стал носить трезубец ⁴⁶. Деметрий, по милости судьбы получив лишь кусочек от могущества Александра, приказал величать себя Катайбатом (Нисходящим), причем не послов к нему отправляли города, но феооров, а полученные ответы именовали оракулами ⁴⁷. Лисимах, завладев жалкой Фракией, этим захолустьем Александрова царства, дошел до такой наглости и дерзости, что сказал: «Теперь, когда копьем я касаюсь неба, византийцы явились ко мне», на что присутствовавший при этом византиец Пасиад ответил: «Уйдемте отсюда, не то он проткнет небо острием» ⁴⁸. Да что говорить о них, которым близость к Александру все же позволяла о себе многое возомнить, если даже Клеарх, став тираном Гераклеи, носил с собою перун и одному из своих сыновей дал имя Керавн (Молния) ⁴⁹, а Дионисий ⁵⁰ назвал себя сыном Аполлона в эпиграмме:

Отпрыск, рожденный Доридой в союзе с Фебом могучим ⁵¹.

Его отец, сограждан своих истребивший тысяч десять, если не больше, брата своего из зависти предательски выдавший врагам, удавивший свою мать, старуху, которой и без того оставалось несколько дней жизни, сам же писавший в трагедии:

ведь тирания — мать несправедливости

своим дочерям при этом дал имена Арета (Доблесть), Софросина (Умеренность) и Дикайосина (Справедливость) ⁵². А другие присваи-

⁴⁶ Клит по прозвищу Белый был одним из высших командиров в армии Александра. Во время Ламийской войны стоял во главе флота, который Кратер отправил на помощь Антипатру, и одержал несколько побед над афинским флотом. Цифра, приводимая Плутархом, вызывает некоторое удивление: битва при острове Аморгосе в 322 г. до н. э., когда Клит с 240 кораблями разбил афинскую эскадру из 170 кораблей, была одной из решающих в Ламийской войне (Diod., XVIII, 15, 8—9. Cf. Plut., Demet. 11).

⁴⁷ Καταβάτης — эпитет, прилагавшийся к Зевсу как к богу грозы и бури. Феоры — священные послы, отправляемые от лица государства для принесения жертв и даров какому-либо богу или для вопрошения оракула. О жертвеннике «Деметрию Нисходящему», о священных посольствах и других почестях, которыми, работая, его осмысли афиняне, Плутарх говорит и в биографии Деметрия (10—13).

⁴⁸ Историческая ситуация, с которой связан этот анекдот, не совсем ясна: фигурирующий в нем Пасиад ближе не известен. Единственное, не считая этого, упоминание о Пасиаде (Plut., Quaest. conv. 633 C. Cf. De cap. ex inim. util. 88 E) лишь уточняет время его жизни: он был современником не только Лисимаха, но также Льва Византийца. Однако высказывание Лисимаха достаточно понятно: до сих пор Византий не считал нужным отправлять к Лисимаху послов, а теперь (после присвоения им царского титула?) византийцы перед ним заискивают.

⁴⁹ О Клеархе, тиране Гераклеи Понтийской (364—353 гг. до н. э.), его соотечественник, историк Мемнон (FHG, vol. 3, p. 526) пишет, что объявив себя сыном Зевса, он стал носить соответствующие одежды, а лицо подкрашивать притираниями, чтобы оно приобрело сверхъестественный блеск и румянец. О том, что сын его носил имя Керавн, сообщает также Юстин (XVI, 5, 9—11).

⁵⁰ Сиракузский тиран Дионисий Младший (367—344 гг. до н. э.), сын и преемник Дионисия Старшего.

⁵¹ PLG, vol. 2, p. 324. Возможно, этот гекзаметр — отрывок посвященной надписи, сопровождавшей жертвенные дары, переданные Дионисием Младшим в дельфийский храм Аполлона (ср. Plat., Epist. III, 315 B) Об упомянутой в эпиграмме Дориде см. прим. 52, а также Ael., V. N. IX, 8; Athen., XII, 541 C; D.

⁵² В биографии Диона (3; 6) Плутарх сообщает, что Дионисий Старший был женат одновременно на локрийке по имени Дорида и сиракузянке Аристомахе. От Дориды у него было трое детей (в их числе Дионисий Младший), от Аристомахи — четверо, из них две дочери, Софросина и Арета. Софросину он выдал замуж за Дионисия Младшего, Арету — за Диона. С этим полностью согласуются сведения Корнелия Непота (v. Dion. I, 1). Дикайосина, упомянутая здесь, по другим источникам неизвестна.

вали себе прозвища — кто Эвергет (Благодетель), кто Каллиник (Одерживающий прекрасные победы), кто Сотер (Спаситель), кто Мегас (Великий)⁵³. А между тем, их бесконечные, одна за другой следовавшие свадьбы, когда они, словно жеребцы в стадах, без стеснения проводили среди женщин дни напролет, то, как они совращали мальчиков, под звуки бубнов плясали среди скопцов, их ежедневную игру в кости, их выступления в театрах с игрой на флейте, ночи, тянувшиеся в обедах, и дни в завтраках, описать не хватило бы никакого времени.

- D** 6. Зато Александр завтракал рано утром, причем сидя, а обедал поздно вечером, вино пил, только принося жертвы богам, в кости играл с Медием, когда болел лихорадкой, развлекался только в пути, упражняясь в стрельбе из лука и спрыгивании с колесницы⁵⁴. В жены он себе взял только Роксану (в личных интересах, потому что в нее одну был страстно влюблен)⁵⁵ и дочь Дария Статиру (в интересах своей державы, ибо полезно было сблизить народы)⁵⁶, других же персиянок он столь же покорял умением владеть собой, сколь персов — мужеством: ни одну из них он не разглядывал против ее воли, а с теми, которых ему привелось видеть, оставался еще более сдержан, чем с теми, которых не видел⁵⁷. Приветливый со всеми остальными, дружок он водил только с людьми выдающейся честности. Что касается жены Дария, необыкновенной красавицы, то он даже слушать не пожелал тех, кто расхваливал ее внешность⁵⁸, а когда она умерла, похоронил ее с такой царской пышностью и оплакал ее так сочувственно, что его целомудрие в проявлении человеколюбия вызвало недоверие и добропорядочность его навлекла на себя обвинение в насилии. Именно этого опасался Дарий, приняв во внимание, что Александр имел такую возможность, а также его юношеский пыл (ведь и он был одним из тех, кто победы Александра приписывал Удаче); когда же он узнал, как все было на самом деле, убедившись в этом после тщательных расспросов, то воскликнул: «Не совсем, значит, плохи дела персов: никто не назовет нас последними трусами, недостойными звания мужчин, если мы и потерпим поражение от такого противника. Что до меня, то я прошу у богов

⁵³ Ср. жизнеописание Аристиды (6), где Плутарх порицает правителей, стремящихся снизить себе репутацию «Сокрушителя градов», «Молнии» или «Победоносного», а то даже «Орла» или «Ястреба». Однако в биографии Кориолана (11) не менее горделивые прозвища царей, такие, как «Сотер», «Каллиник» и «Эвергет» Плутарх упоминает без всякого осуждения.

⁵⁴ О простоте Александра в быту и скромности его походных развлечений почти в таких же выражениях Плутарх пишет в его биографии (23). Медий из Лариссы в Фессалии после смерти Гефестигона (324 г. до н. э.) стал одним из ближайших друзей Александра (P l u t., Alex. 75sq; A r t., Anab. VII, 24, 4—25, 1). О том, как Александр, уже смертельно больной, играл с ним в кости, см. P l u t., Alex. 76.

⁵⁵ О браке Александра с Роксаной см. P l u t., Alex. 47. Ср. Fort. Alex. 332 E, где Плутарх хвалит добропорядочность Александра, который, влюбившись в Роксану, женился на ней, хотя мог взять ее силой.

⁵⁶ О браке Александра и Статир, отпразднованном в Сузах в 324 г. до н. э., см. у Плутарха в биографии Александра (70), а также у Диодора (XVII, 107, 6) и Юстина (XII, 10, 9). В P l u t., Fort. Alex. 329E сказано, что этот брак имел целью соединить два величайших и могущественнейших народа, т. е. македонян и персов. Ср., однако P l u t., Alex. 47, где утверждается, что популярности Александра среди местного населения содействовал прежде всего брак с Роксаной.

⁵⁷ О том, что Александр не только отказывался от пленных персиянок, но и другим не позволял их оскорблять, см. P l u t., Alex. 21; De fort. 97 D. О замечательном целомудрии, каким, по мнению Плутарха, отличался Александр, свидетельствует и анекдот, приводимый в «Изречениях царей и полководцев» (Mor. 179 D).

⁵⁸ Об отказе Александра от жены Дария см. P l u t., Alex. 21 sq; De curios. 522 A; C u r t., VIII, 4, 25.

339

успеха и победы в этой войне, чтобы воздать Александру еще большим добром: для меня теперь вопрос чести превзойти его благородством. А если дела мои безнадежны, то пусть, о Зевс отеческий персов, о царские боги, никто другой не воссядет на престол Кира, кроме Александра!»⁵⁹. Вот так он усыновил Александра, призвав в свидетели богов. Так побеждают Доблестью!

В

7. Прииши Удаче, раз уж ты так хочешь, Арбелы⁶⁰, Киликию и другие деяния, не требующие ничего, кроме войны и насилия: Удача для него разрушила стены Тира, Удача открыла ему путь в Египет, благодаря Удаче пал Галикарнас и взят был Милет, Мазей без боя оставил Евфрат⁶¹ и Вавилонская равнина была усеяна трупами. Но уж никак не Удаче он обязан своей умеренностью, не Удаче обязан своей воздержностью, вовсе не Удача охраняла его душу, заперев ее, сделав недоступной для наслаждения и неприступной для вожделений. А ведь именно этим он победил Дария; в остальном поражение касалось войск и конницы, сражений, резни и бегства мужей. Но самую важную битву — состязание в Доблести, великодушии, мужестве и справедливости — Дарий бесспорно проиграл, с изумлением убедившись, что непобедимым быть можно и в наслаждении, и в болезнях, и в умении оказывать благодеяния. А если бы все дело было только в щитах, копьях, боевых кличах и стычках войск, то непобедимым можно назвать и Атаррий⁶², сына Диномена, и Антигена из Пеллены, и Филота, сына Пармениона, хотя до наслаждений и женщин, до золота и серебра они были падки как последние рабы. Атаррий, когда Александр решил избавить македонян от долгов и распорядился уплатить займодавцам все, что они задолжали⁶³, прикинулся должником и привел к столу человека, который назвался его займодавцем, но был изболтчен в обмане и едва не покончил с собой, если б не Александр, который, узнав об этом, снял с него вину и позволил оставить деньги при себе, памятуя о том, как во время осады Филиппом Перинфа Атаррий был ранен стрелой в глаз, но отдал себя в руки врачей и позволил ее вынуть не раньше, чем обратил врага в бегство⁶⁴. Антиген же втерся в число больных и увечных солдат и записался в список тех, кого отправляли обратно в Македонию, но был пойман на том, что будучи впол-

С

⁵⁹ С рассказом о том, как побежденный благородством Александра Дарий призывает богов сделать македонского паря его преемником ср. Plu t., Alex. 30.

⁶⁰ В жизнеописании Александра (31) Плутарх, полемизируя со «многими» историками, которых по имени он не называет, утверждает, что решающая битва Александра с Дарием произошла не под Арбелами, а при Гавгамелах (эти пункты разделяет расстояние приблизительно в 100 км). Здесь, однако, Плутарх следует именно этим авторам.

⁶¹ Мазей, один из влиятельнейших приближенных Дария III (Plu t., Alex. 39), командовал крупным отрядом, охранявшим переправу через Евфрат близ гор. Тапсак, и бежал со всем войском, как только узнал о приближении армии Александра (A г г., Anab. III, 7,2).

⁶² Атаррий — в соответствии с конъектурой Нахштедта (рукописи: Ταρρίας), предложенной на основании Су г т., V, 2,5. Согласно Курцию Руфу, Атаррий, Антиген и Филот заняли три первых места в конкурсе на самых доблестных воинов македонской армии, который Александр устроил, находясь в Ситтакской сатрапии, и вместе с шестью другими храбрецами получили звание хилярха.

⁶³ По случаю своего бракосочетания со Статирой Александр щедрым жестом заплатил долги своих воинов, истратив на это 9870 талантов (Plu t., Alex. 70. Cf. Fort. Alex. 343 D). Арриан (Anab. VII,5) называет еще большую сумму: 20 000 талантов.

⁶⁴ Анекдот о мнимом должнике см. также Plu t., Alex. 70, однако там действующим лицом выведен не Атаррий, но Антиген по прозвищу Одноглазый (очевидно, идентичный упомянутому здесь Антигену из Пеллены), чье прозвище, кстати, оправдывается его ранением при осаде Перинфа.

- Д** не здоров, лишь притворяется больным; глубоко огорченный поступком испытанного воина, чье тело было покрыто рубцами и шрамами, Александр спросил Антигена о причине, побудившей его к отъезду, и тот признался, что любит Телесиппу, а поскольку она возвращается к морю, хочет последовать за ней, ибо не в силах вынести разлуки. «Чья эта женщина, — спросил Александр. — С кем нужно переговорить о ней?» Услышав в ответ, что она свободнорожденная, — «Так давай, — сказал он, — постараемся уговорами и подарками склонить ее к тому, чтобы она осталась»⁶⁵. Вот до какой степени ко всем влюбленным он был более снисходителен, чем к себе самому! А вот для Филота, сына Пармениона, источником бед стала его невоздержанность. Была среди пленниц, взятых под Дамаском, некая Антигона из Пеллы⁶⁶ (а еще раньше вместе с кораблем, на котором плыла к Самофракии, она попала в плен к Автофрадату⁶⁷); на вид она была довольно красива, и Филота, который вкусил ее любовных ласк, прямо-таки свела с ума. И вот, этот железный воин⁶⁸ до того размяк от удовольствий, что не сумел удержать язык за зубами и разболтал много такого, о чем лучше было молчать: «Да что бы этот Филипп из себя представляет, если б не Парменион? А наш Александр, если б не Филот⁶⁹? Какой уж там Аммон, какие драконы⁷⁰, если б мы того не захотели!» Эти слова Антигона пересказала одной из своих подруг, а та, в свою очередь, Кратеру. Кратер Антигону тайком привел к Александру, и, что замечательно, тот ее тела даже пальцем не коснулся, сумел воздержаться, зато, установив через нее слезку за Филотом, выведал все его замыслы; с тех пор минуло семь лет, если не больше, но ни разу, никому Александр не высказал своих подозрений — ни за вином, хотя нередко бывал пьян, ни в порыве гнева, хотя был очень вспыльчив, ни другу, хотя Гефестиону доверял во всем и делился с ним решительно всем. (Рассказывают, как однажды Александр, вскрыв полученное от матери письмо секретного содержания, молча читал его про себя. Гефестион же, как ни в чем ни бывало, повернул голову и стал читать тоже; запретить ему это царь не решился, и только, сняв с пальца перстень, приложил печать к губам Гефестиона)⁷¹.

⁶⁵ Историю о воине, влюбленном в гетеру Телесиппу, Плутарх рассказывает еще в двух местах (Reg. et imp. ar. 181 A; Alex. 41), однако в биографии Александра этим воином является не Антиген из Пеллены (как здесь и в «Изречениях царей и полководцев»), а некий Эврилох из Эги.

⁶⁶ Ср. P 1 u t., Alex. 48, 4, где она названа уроженкой Пидны.

⁶⁷ Автофрадат, вместе с Фарнабазом командуя персидским флотом, в течение 333—332 гг. до н. э. проводил энергичные боевые операции в Эгейском архипелаге и вдоль западного побережья Малой Азии, пытаясь восстановить персидский контроль над островными и прибрежными греческими городами (A г г., Anab. II, 1, 3—2,3; 13, 4—6; 15,7; 20, 1; III, 2,3. Cf. P o l y a e n., VII, 27, 2).

⁶⁸ Испорченное место. Перевод по смыслу. Дорическая форма σιδάρεος указывает на то, что здесь цитировался неизвестный поэт.

⁶⁹ С рассказом о бахвальстве Филота ср. P 1 u t., Alex. 48. Отец Филота Парменион действительно был наиболее заслуженным из сподвижников Филиппа, а сам Филот пользовался репутацией одного из самых доблестных военачальников Александра. Эти опрочеченные высказывания, наряду с подозрениями в заговоре, спустя несколько лет (в 330 г. до н. э.) привели к казни Филота и его отца.

⁷⁰ Согласно мемуарам Итолмея, Аристобула и Каллисфена, на которые ссылаются Плутарх (Alex. 27) и Арриан (Anab. III, 2,5), во время похода Александра к оазису с храмом Аммона македонскую армию, блуждавшую в песках Ливийской пустыни, спасло божественное замешательство самого Аммона: перед войском, указывая ему дорогу, двигались два наделенных человеческим голосом дракона (по другим сообщениям — летели два ворона).

⁷¹ Этот же анекдот у Плутарха встречается еще трижды: Alex. 39; Fort. Alex. 332 F; Reg. et imp. ar. 180 D. Письмо Олимпиады содержало клеветнические обвинения. в адрес Антипатра.

8. Да просто невозможно перечислить все примеры того, как прекрасно, истинно по-царски он пользовался своей властью! Даже если великим его сделала Удача, он еще более велик тем, как благородно Удачей воспользовался. И чем больше кто-нибудь восхваляет сопутствовавшую ему Удачу, тем больше превозносит его Доблесть, благодаря которой он был удостоен Удачи. Тем не менее, я перехожу к тому, с чего началось его возвышение, к истокам его могущества, и собираюсь рассмотреть, какова во всем этом роль Удачи и какова причина того, что величие Александра приписывают ей. А почему бы и нет? Разве, о Зевс, не знавшего ран, кровопролития и ратных трудов его возвел на трон Кира конь своим ржанием, как это было в свое время с Дарием, сыном Гистаспа ⁷², или муж, оболыщенный женой, как это было с Ксерксом, которого Дарий сделал царем, уступив уговорам Атоссы? ⁷³ А может, венец царя Азии сам, прямо на порог к нему пришел, как к Оарсу ⁷⁴ стараниями Багоя, или, сбросив платье астанда, он облачился в царское ⁷⁵, а на голову возложил остроконечную китару? ⁷⁶ А может, власть над миром ему досталась неожиданно-негаданно, по жребию, подобно тому как в Афинах избирают фесмофетов и архонтов? Хочешь знать, как люди становятся царями благодаря Удаче? У аргивян когда-то пресекался род Гераклидов, из которого у них издревле было принято выбирать царей. Не зная, как быть, они обратились к оракуду, и бог объявил, что царя им укажет орел; и впрямь, спустя несколько дней в небе появился орел, который, спустившись, уселся на крыше дома Эгона, и царем был избран Эгон ⁷⁷. Опять же таки, в Пафосе, когда тамошний царь показал себя несправедливым и бесчестным, Александр его низложил и стал разыскивать другого, хотя царствующий род Кинирадов, как считалось, уже иссяк и угас. И вот, ему сообщили, что один человек из этого рода еще жив: неизвестный и нищий, всеми забытый, он добывает себе пропитание тем, что возделывает какой-то огородик. Когда посланцы за ним к нему явились, они застали его за поливкой грядок; несчастный перепугался, когда солдаты его схватили и приказали куда-то идти. Представ перед Александром в своем жалком плащике, он во всеулышание был провозглашен царем, облачен в порфиру и принят в число так называемых гетайров. Звали его Абдалоним ⁷⁸. Вот так-то царями людей делает

⁷² Согласно Геродоту (III, 84—87; ср. I u s t i n., II, 40), семеро знатных персов, в числе которых был Дарий, убив самозванца Лжесмердиса, захватившего трон после смерти Камбиза (522 г. до н. э.), условились, что царем станет тот из них, чей конь первым заржет на восходе солнца. Обманным путем Дарий сумел сделать так, что его жеребец заржал первым.

⁷³ Дарий I (522—486 гг. до н. э.) назначил Ксеркса (486—464 гг. до н. э.) наследником престола задолго до своей смерти, в 498 г., в обход своего старшего сына Артобазана. Причиной тому были интриги матери Ксеркса Атоссы, имевшей на Дария огромное влияние (H e r o d., VII, 3).

⁷⁴ ὄσπερ Ὀάρσῳ — в соответствии с конъектурой Бернардакиса (рукописи: ὄσ Παρόσατις), основанной на P l u t., Fort. Alex. 337 E.

⁷⁵ Рабом, носившим платье астанда (персидское слово, обозначающее царского гонца-сорохода), до того как пришел к власти, был Дарий III Кодоман (P l u t., Alex. 18, Fort. Alex. 326 E; A e l., V. H. XII, 43).

⁷⁶ Головной убор персидских царей.

⁷⁷ Предсказание о том, что преемником Гераклидов станет Эгон, исходило от Дельфийского оракула (См. P l u t., Pyth. orac. 396 C). Его текст был высечен на подножии статуи Эгона, поставленной аргосцами в Дельфах после 369 г. до н. э. (P a u s., X, 10, 5).

⁷⁸ Ἀβδαλονίμος — в соответствии с конъектурой Кобета (рукописи: ἀρα ἀλόνιμος), предложенной на основании D i o d., XVII, 46. У Диодора рассказано о том, как Александр отстранил от власти царя финикийского города Тира Стратона и посадил на его место нищего садовника Абдалонима. У Курция Руфа (IV.1.46—26) и Юстина

Удача: шутя, играючи, вместе с одеждой меняя звание тех, кто и мысли об этом не допускал, и мечтать не смел.

Е 9. Александру же хоть кусочек славы достался незаслуженно, без пота и крови, даром, без труда? Воду он пил из рек, окрашенных кровью, переходил эти реки по мостам из трупов, понуждаемый голодом ел траву, какую придется, покорял племена, засыпанные глубокими снегами⁷⁹, и города, спрятавшиеся под землей, переплывал бушующее море⁸⁰, совершал переходы по безводным пескам страны гедросиев и арахосиев, где растений было меньше чем в море⁸¹. Если б можно было против Удачи выставить защитницей Александра Откровенность, разве не обратилась бы она к ней с такой речью: «Где и когда деяниям Александра ты открыла дорогу? Хотя одну скалу завоевал он без крови, с твоей только помощью? Хотя один город ты отдала ему в руки неохраемым, хоть одно войско обезоруженным? Нашелся на его пути хоть один беспечный царь, легкомысленный полководец или спящий часовой? Напротив, не было ни реки, удобной для переправы, ни мягкой зимы, ни благодатного лета!⁸² Уходи к Антиоху, сыну Селевка, к Артаксерксу, брату Кира, убираясь к Птолемею Филадельфу! Это их объявили царями еще при своей жизни отцы, это они одерживали победы без потерь, это они провели жизнь в праздниках, торжественных шествиях и театральных зрелищах, это из них каждый имел счастье, царствуя, дожить до старости! Что до Александра, то не говоря уж об остальном, взгляни хоть на его тело, сплошь покрытое ранами: с головы до ног оно иссечено, изрублено врагами

и копьем, и мечом, и огромными глыбами камня⁸³.

В При Гранике ему мечом насквозь прорубили шлем; под Газой дротиком угодили в плечо; в Маракандах стрелой ранили в голень, так сильно, что перебитая ударом кость вышла наружу; где-то в Гиркании камнем попали в горло, да так, что у него в глазах потемнело и еще долгое время он рисковал остаться вовсе слепым⁸⁴; на границе страны ассаканов⁸⁵ индийское копье ему пронзило ступню (тогда-то он и сказал с улыбкой своим льстецам: «Это уж наверняка кровь, а не

влага, какая струится у жителей неба счастливых»,⁸⁶

(XI.10.8—9) эта история приурочена к другому, но опять же финикийскому городу Сидону.

⁷⁹ Ср. рассказ Диодора (XVII, 82) о том, как в горных районах Северной Индии, среди снега и льдов, Александр воевал с племенем паропамисадов.

⁸⁰ Возможно, Плутарх имеет в виду океанские приливы и отливы. С этим явлением природы македонцы столкнулись впервые, спустившись к Океану по течению Инда (A g r ., Anab. VI, 19; C u r t ., IX, 9).

⁸¹ Об изнурительном переходе македонской армии через пустыни юго-восточных областей Персидской державы см. P l u t ., Alex. 66; A g r ., Anab. VI, 22; C u r t ., VII, 5.

⁸² С перечнем трудностей, ожидавших Александра на его пути, ср. P l u t ., Fort. Alex. 326 D; E; 327 C.

⁸³ Цитата из «Илиады» (XI, 265, 541). Перевод наш.

⁸⁴ С перечнем ран Александра ср. P l u t ., Fort. Alex. 327 A; B. О ранении стрелой в голень см. P l u t ., Alex. 45; C u r t ., VII, 6, камнем в голову и шею — P l u t ., Alex. 45; A g r ., Anab. IV, 3.

⁸⁵ Племя в Северной Индии (A g r ., Anab. IV, 30; Ind. 1, 8; S t r a b o, XV, 698).

⁸⁶ Цитата из «Илиады» (V, 340). Перевод Н. И. Гнедича. Эта же шутка Александра у Плутарха упомянута еще дважды: Alex. 28; Reg. et imp. ap. 180 E. Диоген Лаэртский (IX, 60), который знаком с этим анекдотом в изложении Плутарха, дает его в иной, противоположной по смыслу версии: при виде крови, текущей из раны Александра, философ Анаксарх насмешливо цитирует гомеровский стих, развенчивая претензии царя на то, чтобы считаться богом. У Афиняев (VI, 251 A) этот гомеровский стих произносит перед раненым Александром, желая ему польстить, кулачный боец Диоксипп.]

при Иссе его мечом ранил в бедро, сойдясь с ним в рукопашную, царь Дарий; так утверждает Харет⁸⁷, да и сам Александр просто, без всяких приукрашиваний об этом говорит в письме к Антипатру: «Случилось так, что меня кинжалом тоже ранили в бедро, но к счастью, все обошлось благополучно». В стране маллов ему, пробив панцирь, попала в грудь стрела длиною в два локтя, а пестом кто-то нанес удар по шее⁸⁸, как пишет в своей истории Аристобул⁸⁹. А перейдя через Танаис и обратив в бегство скифов, он гнал за ними верхом на коне целых сто пятьдесят стадиев, превозмогая страдания от расстройства желудка⁹⁰.

10. Хорошо же ты, Удача, превносишь и возвеличиваешь Александра, отовсюду осыпая его ранами и ударами, открывая для них все части его тела! Афина, защищая Менелая, летящую в него стрелу направила в самое неуязвимое место доспехов, так что панцирь, навязь и запон силу удара, поразившего тело, ослабили настолько, что только кровь пошла из пустяковой ранки⁹¹. Ты же, наоборот, оставляешь открытыми для стрел самые уязвимые места на теле Александра, наносишь ему удары, пробивающие даже кости, бегаешь вокруг него, так и стараясь поразить в лицо или в ноги, мешаешь ему преследовать бегущего противника, похищаешь плоды его побед, опрокидываешь все его расчеты». Мне кажется, ни с одним из царей Удача не обошлась так сурово: хотя ко многим она была завистлива и жестока, но других она уничтожала и губила с быстротой молнии, зато к Александру ее ненависть оказалась упорной, непримиримой и ненасытной, словно к Гераклу. Каких только Тифонов, каких исполинских чудовищ она не призвала на борьбу с ним? Каких врагов его не снабдила всевозможным оружием, реки — глубиной, горы — крутизной, диковинных хищников — силой? И если бы не величие духа Александра, если бы не великая Доблесть, побудившая его найти в себе силы и воспротивиться Удаче, разве не дрогнул бы он, разве бы выдержал, строя свои войска, готовя их к бою, осаждая и усмиряя Бактры, Мараканды и Согдиану, вынуждаемый возвращаться обратно бесчисленными восстаниями, смутами, мятежами враждебных народов, непокорностью царей, среди вероломных и коварных племен как бы сражаясь с Гидрой, у которой вместо срубленных войн вырастали все новые?⁹²

11. Неложностью покажется то, что я сейчас скажу, и все же это правда: из-за Удачи Александр чуть не лишился веры в то, что

⁸⁷ Харет из Митилены, придворный Александра, автор несохранившейся истории его царствования.

⁸⁸ В тексте лакуна. Перевод по конъектуре Бернардакиса. Об этой ране подробнее см. ниже: 344 С; D.

⁸⁹ Аристобул из Кассандрии, участник персидского похода и автор высоко ценившихся в древности мемуаров, посвященных деяниям Александра.

⁹⁰ Ср. P l u t., Alex. 45; A g r., Anab. IV, 4, 7—9; C u r t., VII, 9—13. «Целых сто пятьдесят стадиев» — несомненно, риторическое преувеличение. В биографии Александра Плутарх говорит только о 100 стадиях. Курций Руф называет еще меньшую цифру: 80 стадиев.

⁹¹ «Илиада» (IV, 129 слл.). Пробитые стрелой части воинского снаряжения у Гомера перечислены в правильной последовательности (Плутарх ее несколько нарушает): ζωστήρ «запон» (пояс, носившийся поверх панциря), θώραξ «панцирь», μίτρα «навязь» (пояс, носившийся под панцирем).

⁹² Текст испорчен. Слова «Бактры, Мараканды и Согдиану», которые в рукописях стоят после слов «непокорностью царей» и которые Штегманн предлагает устранить из текста, мы в соответствии с конъектурой Поленца помещаем после слов «осаждая и усмиряя». О яростном сопротивлении армии Александра в Согдиане с ее главным городом Мараканды (совр. Самарканд) и в соседней Бактрии см. A g r., Anab. IV, 1; C u r t., VII, 9, 17; 10; IX, 7. Ср. P l u t., Alex. 68.

он — сын Аммона. В самом деле, кто из рожденных от бога совершил столь опасные, многотрудные и тяжкие подвиги, кроме сына Зевса Геракла? А ведь Геракла всего-навсего какой-то надменный человек заставлял ловить львов, преследовать вепрей, разгонять птиц, а потом, чтобы он, избегая более значительных дел, не успокоился на этом, поручил ему наказывать Антеев и карать Бусиридов, занявших себя убийствами⁹³; на Александра же Доблесть возложила поистине царскую, сверхчеловеческую задачу, целью которой было не золото, привозимое бесчисленными караванами верблюдов, не мидийская роскошь, яства и женщины, халибонское вино и гирканская рыба⁹⁴, а которая в том заключалась, чтобы установить единый для всех людей государственный порядок, сделать их подданными одной великой державы и приучить к единому образу жизни. В Врожденное стремление к этому не давало ему покоя уже с самого детства, с ним вместе оно росло и мужало: когда к Филиппу однажды явились послы от персидского царя, а Филипп находился в отъезде, Александр радушно и гостеприимно их встретил, при этом не задавал им, как другие, детских вопросов о золотой лозе⁹⁵, о висячих садах, о том, каковы наряды персидского царя; напротив, целиком поглощенный высшими государственными интересами, он так настойчиво стал расспрашивать сколько у персов войска, в каком месте боевого строя обычно находится их царь во время сражений (точь в точь, как славный Одиссей:

Где у него боевые доспехи, быстрые кони?)⁹⁶

С какими дорогами быстрее всего можно от моря добраться в глубь материка, что пораженные чужеземцы стали переговариваться между собой: «Поистине, этот мальчик — великий царь, а наш — только богатый!»⁹⁷ А когда, наконец, после смерти Филиппа он стал энергично готовиться к переправе, устремив к этому все свои помыслы и доступные ему средства, и уже торопился напасть на Азию, тут-то и начала ему противодействовать Удача, стала тянуть его назад, тащить обратно, опутывая бесчисленными помехами и задерживая проволочками: сначала она обрушила на него набеги соседних варваров, ухитрившись навязать войну с иллирийцами и трибаллами. Вынужденный отложить восточный поход, Александр обратился против северного противника; дойдя вплоть до Скифии, прилегаю-

⁹³ Антей, властитель Ливии, заставлял всех чужестранцев вступать с ним в борьбу и умерщвлял побежденных. Бусирид, царь Египта, принесил в жертву всех иноземцев, попадавших в его владения. Оба понесли заслуженное наказание от Геракла, покаравшего их той же казнью, на которую они обрекали других. В таком же моралистическом духе Плутарх толкует этот миф и в других своих сочинениях: *Thes.* 11; *Parall. min.* 315 B; *De Herod. malign.* 857 A.

⁹⁴ Вино из сирийского города Халибона подавалось на стол персидских царей (*S t r a b o*, XV, 735 C). Именно этому сорту вина они отдавали предпочтение перед всеми остальными (*Posidon. ap. Athen.* I, 28 D). О рыбе, которой славилось Гирканское (Каспийское) море, см. *C u r t.*, VI, 4, 18.

⁹⁵ Преподнесенные царю Дарию I лидийцем Пифием виноградную лозу и платан из чистого золота причисляли к самым поразительным диковинам царской сокровищницы в Сузах. Упоминание об этой лозе у греческих авторов стало чуть ли не штампом при описании сказочных богатств персидских царей (*H e r o d.*, VII, 27; *X e n.*, *Hell.* VII, 1, 38; *D i o d.*, XIX, 48; *Phylarch. ap. Athen.* XII, 539 D).

⁹⁶ Цитата из «Илиады» (X, 407). Перевод Н. И. Гнедича. Одиссей расспрашивает Долона о расположении войск троянцев и их союзников.

⁹⁷ Игра слов: «великий царь» — традиционный титул Ахеменидов, у греков служивший общепринятым обозначением персидского царя. Анекдот об Александре и персидских послых Плутарх приводит и в его биографии (5).

Д щей к Истру, он с немалым для себя риском и опасностью успешно провел эту военную кампанию, и вновь поспешил взяться за переправу в Азию, но тут снова вмешалась Удача: швырнув в него Фивы и бросив ему под ноги препятствие в виде войны против эллинов, она поставила его перед ужасной необходимостью близкий и родствен- ный народ покарать огнем, железом и кровью, так что исход войны оказался весьма прискорбным. И лишь после этого, наконец, Алек- сандр совершил переправу, причем запасов продовольствия для войска, как сообщает Филарх, у него было всего лишь на тридцать дней, а согласно Аристобулу, он имел при себе только семьдесят талантов ⁹⁸. Из поступлений в царскую казну и всякого добра, накопленного дома, большую часть он раздал друзьям: один Пер- дикка не взял ничего из того, что царь ему предлагал, но спросил:

Е «А что же ты оставляешь себе, Александр?» «Надежды», — ответил тот. «В таком случае, — сказал Пердикка, — и мы хотим иметь долю в них: разумнее подождать сокровищ Дария, чем брать деньги от тебя» ⁹⁹.

12. На что же надеялся Александр, начиная переправу в Азию? На войска, в определенном количестве выставляемые от каждого из городов с многотысячным населением, на флот, переплывающий горы ¹⁰⁰, на удары бича и оковы, которыми безумный варвар вздумал наказывать непокорное море ¹⁰¹, рассчитывать он и не думал. Зато его войско, пусть небольшое, было сильно честолюбивым соперничест- вом между воинами-сверстниками, соревнованием в славе и доб- лести между друзьями, а его самого отличала уверенность в себе, благочестие по отношению к богам, верность друзьям, умеренность, воздержность и отзывчивость, бесстрашие и презрение к смерти, человеколюбие, простота и общительность, открытый нрав, твер- дость в принятых решениях, быстрота в действиях, жажда славы, стремление доводить всякое дело до конца. Гомер, описывая красоту Агамемнона, сколотил нецелое, неправдоподобное сочетание из трех образов, употребив такое сравнение:

Ф

343 Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
станом — Арею великому, персями — Энносиею ¹⁰².

Ну, а если бы нрав Александра родивший его бог и в самом деле сколотил и соорудил из многих добродетелей, разве не сказали бы мы, что он обладал благородством Кира, воздержностью Агесилая, пронипательностью Фемистокла, опытностью Филиппа, отвагой

⁹⁸ Эти же цифры Плутарх упоминает еще дважды (Alex. 15; Fort. Alex. 327 E), но любопытно, что говоря о 70 талантах денег, во всех трех случаях он ссылается на Аристобула, зато относительно продовольствия на 30 дней здесь он называет своим источником Филарха, а в двух остальных случаях — Дурида. Возможны, таким образом, два предположения: 1) здесь мы имеем ошибочную ссылку (Филарх вместо Дурида); 2) сведения Филарха и Дурида совпадают. Дурид Самосский — ученик Феофраста, автор многочисленных и разнообразных по тематике сочинений, в том числе крупного труда по общей истории Греции с 371 по 281 гг. до н. э. Филарх из Афин или Сикиона или Навкратиды — автор «Истории», в которой излагались события приблизительно за 272—220 гг., но имелись и экскурсы, посвященные событиям более ранним. Об Аристобуле см. прим. 89.

⁹⁹ Анекдот об Александре и Пердикке Плутарх приводит и в жизнеописании Александра (15).

¹⁰⁰ См. прим. 22.

¹⁰¹ Здесь, как и выше (Fort. Alex. 329 E; F) имеется в виду рассказ Геродота (VII, 35) о том, как Ксеркс бичевал море за то, что буря разрушила его плавучий мост через Геллеспонт.

¹⁰² Цитата из «Иллады» (II, 478). Перевод Н. И. Гнедича.

Брасида, могучим талантом и государственной мудростью Перикла? ¹⁰³ А из еще более древних целомудрием он превзошел Агамемнона (тот пленницу-рабыню предпочел законной супруге, а этот воздерживался от пленниц даже до того как женился), великодушием — Ахилла (тот за небольшой выкуп согласился вернуть тело Гектора, а этот, не жалея расходов, устроил Дарию похороны; тот, сменив гнев на милость, в уплату за это взял от друзей подарки, а этот даже своих врагов, побеждая, одарял целыми состояниями), благочестием — Диомеда (тот с готовностью соглашался даже сразиться с богами, а этот все свои успехи относил на счет богов), а своим близким он был дороже, чем Одиссей (у того родная мать умерла от тоски по нему, а вслед за Александром из любви к нему скончалась мать его врага) ¹⁰⁴.

В

С

D

13. Вообще говоря, если и Солон благодаря Удаче осуществил свои государственные преобразования, и Мильтиад благодаря Удаче выполнил обязанности стратега, и Аристид был справедлив по милости Удачи, тогда действительно Доблесть никакого значения не имеет; это всего лишь пустой звук, выдумка мудрецов и законодателей, которая гуляет по свету, напрасно пользуясь доброй славой. А если из них и им подобных каждый в отдельности был бедным или богатым, слабым или сильным, уродливым или красивым, наслаждался счастливой старостью или умер в молодости по воле Удачи, зато великим полководцем, великим законодателем, великим государственным деятелем каждый из них проявил себя благодаря своей Доблести и разуму, тогда всмотришься в Александра и сравни его с ними со всеми. Солон в Афинах провел закон об уменьшении долгов, назвав его «страживанием бремени» ¹⁰⁵, а Александр за должников сам выплатил их займодавцам причитавшиеся суммы ¹⁰⁶. Перикл, обложив данью эллинов, на эти средства украсил храмами акрополь ¹⁰⁷, а Александр отнял богатства у варваров и отослал их в Элладу, распорядившись воздвигнуть храмы богам на бесчисленную сумму талантов ¹⁰⁸. Брасид стяжал себе громкую славу в Элладе тем, что под Метоной сумел с боем прорваться через расположение вражеских войск, растянувшееся вдоль берега моря ¹⁰⁹, но

¹⁰³ Ср. с характеристикой Сертория (Plut., Sert. 1), где сказано, что он был более целомудренным, чем Филипп, более верным к друзьям, чем Антигон, более мягким к врагам, нежели Ганнибал, и в то же время военным опытом сравнялся с Метеллом, отвагой — с Помпеем, удачей — с Суллой.

¹⁰⁴ С матерью Дария III Сисигамбой, попавшей к нему в плен, Александр обошелся очень милостиво и буквально осыпал ее знаками внимания (Diod., XVII, 37, 3 sqq; Iust. in., XI, 9, 12). Узнав о кончине своего благодетеля, Сисигамба на пятый день после этого покончила с собой, воздержавшись от пищи (Diod., XVII, 118; Iust. in., XIII, I, 5; Curt., X, 5, 19—25).

¹⁰⁵ О солоновской «сисахфии» см. Plut., Sol. 15; Comp. Sol. et Publ. 3.

¹⁰⁶ См. прим. 63.

¹⁰⁷ О нападках на строительную программу Перикла политических противников, обвинявших его в разбазаривании союзнических денег и «ограблении эллинов», см. Plut., Pericl. 12 sq.

¹⁰⁸ О планах Александра воздвигнуть в трех городах Македонии, а также в Дельфах, Додоне и на Делосе шесть великолепных храмов, каждый стоимостью в 1500 талантов, см. у Диодора (XVIII, 4, 4—5).

¹⁰⁹ Сопоставление с Фукидидом (II, 25) показывает, что эта фраза — сокращенный до невразумительности пересказ соответствующего места из его сочинения. Когда осажденная афинским отрядом Метона в Лаконике находилась в критическом положении, оказавшийся поблизости Брасид с сотней гоплитов сумел прорваться через позиции афинян и соединиться с осажденным гарнизоном. Потеряв всего несколько воинов, он спас город от неминуемой капитуляции. Именно этот случай принес Брасиду известность и положил начало его военной карьере.

поразительный прыжок Александра в стране оксидраков ¹¹⁰, невероятный для тех, кто о нем слышит, и ужасный для тех, кто его видел, когда с крепостной стены он бросился прямо в гущу врагов, встретивших его обнаженными копьями, мечами и дротиками, с чем его можно сравнить, если не с ударом сверкающей молнии, вылетающей с громовыми раскатами и сотрясением воздуха, словно блистающее «ослепительно ярким оружием знамение Феба» ¹¹¹? Ошеломленные враги сперва было отступили и в страхе разбежались, но затем, увидя, что многих атакует всего лишь один человек, остановились. И вот здесь Удача явила прямо-таки великолепный, яркий образец своего благоволения к Александру: кинув его внутрь безвестной варварской крепостцы ¹¹², она его закрыла и отрезала стеной от своих, а когда македонские воины, оставшиеся снаружи, бросились на помощь своему царю и стали карабкаться на стены, она, разбив и сломав лестницы, сбила их с ног и сбросила вниз. А из тех троих, которые все же успели взобраться на стену и, спрыгнув с нее, встали рядом с царем, одного Удача тут же истребила и уничтожила, а другой, сразу пронзенный множеством стрел, оказался настолько близок к смерти, что единственное, на что еще был способен, это — видеть и различать происходящее вокруг. И напрасно с боевыми кличами кидались на стены оставшиеся снаружи македоняне: не было у них ни осадных орудий, ни машин; в бессильной ярости они рубили стены мечами, рвали голыми руками и только что не грызли зубами. А счастливый, постоянно хранимый и оберегаемый Удачей царь, словно зверь, попавший в охотничьи сети, оказался беспомощным и покинутым — он, кто перед этим овладел Сузами, Вавилоном и Бактрами, одержал победу над великим Пором! Действительно, в битве с великим и славным противником если кто и потерпит неудачу, ему хоть позора нет; но настолько злобна и завистлива была Удача, настолько благосклонна к варварам и враждебна к Александру, что не только его тело, не только жизнь, но даже его громкую славу, настолько это было в ее силах, пыталась у него отнять и погубить. Не так страшна была бы смерть Александра, если бы он пал бездыханным на берегах Евфрата или Гидаспа, не так бесславна, если бы в рукопашной схватке с Дарием он погиб под ударами мечей и тесаков, под копытами коней персов, защищавших царя, или взойдя на стены Вавилона, свалился и рухнул вниз от сильного испуга. Так было с Пелопидом и Эпаминондом: именно так их постигла смерть, и не несчастной, но доблестной эта смерть оказалась. А что сделала та Удача, чьи дела мы рассматриваем теперь? В варварском захолустье, на берегах чужой реки, в безвест-

¹¹⁰ О том, как во время штурма города оксидраков или родственных им маллов (воинственные племена, обитавшие в долине Инда) Александр, рискуя жизнью, спрыгнул с крепостной стены в самую гущу врагов, подробно, со множеством красочных подробностей, рассказывают многие авторы: *Plu t., Alex.* 63; *Fort. Alex.* 327 В; 341 С; *A r r., Anab.* VI, 9, 1—13, 3; *I n d.* 19, 8; *D i o d.,* XVII, 98, 2—100, 1; *S t r a b o,* XV, 701; *C u r t.,* IX, 4, 26—6, 1; *I u s t i n.,* XII, 9, 3—10, 1; *E p i t. Mett.* 76 sq, *I t i n e r. Alex.,* 115 sq; *P s P s.-C a l l i s t h.,* III, 4, 12—15.

¹¹¹ Вероятно, поэтическая цитата. Если принять чтение той группы рукописей, где слово «Феба» отсутствует, то знак вопроса можно поставить после слов «сотрясением воздуха», и остаток фразы перевести отдельным предложением: «Именно такое зрелище он являл собой, спрыгнув на землю в сверкающих как огонь доспехах». О чудесном снании, исходившем в тот момент от его тела, Плутарх говорит и в биографии Александра (63, 4).

¹¹² Ни один из многочисленных авторов, рассказывающих о штурме этого города, сам город по имени не называет.

ном городишке она спрятала и отрезала от своих стеной царя и владыку вселенной, чтобы погубить его, осыпаемого ранами от безнаказанного оружия и ударами первых подвернувшихся под руку предметов. Тесаком ему прорубили шлем и ранили в голову, а выпущенной из лука стрелой кто-то пробил ему панцирь с такой силой, что вонзившись в грудь около соска, она застряла в одном из ребер, причем конец ее древка, причиняя жестокую боль, торчал снаружи, а железный наконечник имел четыре пальца в ширину и пять в длину¹¹³. И в довершение всех бед случилось так, что, отбиваясь от врагов, наседающих спереди, одного из них, который, метнув издала копьё, отважился к нему приблизиться с мечом, Александр, успев опередить, пронзил кинжалом и свалил на землю, но в этот момент какой-то прибежавший с мукомольни¹¹⁴ человек подкрался сзади и пестом нанес по шее такой удар, что в глазах у царя потемнело и он потерял сознание. Но на помощь пришла Доблесть, в него она вдохнула смелость, а в его приближенных — мужество и рвение. Лимней, Птолеми, Леоннаты¹¹⁵ и все остальные, кто, перебравшись через стену или пробив в ней брешь, бросились к нему на помощь, образовали собой стену Доблести, из преданности и дружбы к царю прикрыв его своими телами, лицами и жизнями. Отнюдь не по воле Удачи друзья прекрасных царей с готовностью отдают за них жизнь и подвергают себя опасности, но из любви к Доблести, подобно тому как пчелы, побуждаемые любовным напитком, жмутся и льнут к своему вожаку. Кто, из безопасного места наблюдая за всем этим, не сказал бы, что у него на глазах происходит великое противоборство Удачи и Доблести, что варвары незаслуженно берут верх с помощью Удачи, а эллины стойко сопротивляются с помощью Доблести, и если одолеют те, повинны в этом будут Удача, враждебный демон и возмездие богов, а если победят эти, то победу им принесут Доблесть, отвага, дружба и верность? Только это и помогло Александру, остальную же его вооруженную мощь — флот, конницу и пехоту — Удача от него отрезала стеной. И все же македоняне обратили варваров в бегство и, сравнив город с землей, его обломками завалили их трупы. Но Александру это уже не могло помочь: сразившая его стрела засела у него глубоко внутри и словно скрепой пригвоздила панцирь к телу. И когда ее пробовали одним рывком вытащить из раны как бы с корнем, железный наконечник не поддавался: так прочно он застрял в одном из ребер, прикрывающих сердце. Отпилить же тростниковое древко, торчащее наружу, никто не решался, опасаясь, что потревоженная резкими толчками кость расщепится, причиняя нестерпимую боль, и кровь из глубины хлынет потоком¹¹⁶. Видя, что врачи в крайнем затруднении и медлят что-либо предпринять, Александр сам попытался кинжалом срезать стрелу у самой поверхности кожи, но отяжелевшая, немеющая от воспаления раны рука его бессильно повисла. Тогда он приказал им снова приняться

¹¹³ Риторическое преувеличение: в жизнеописании Александра (63, 12) Плутарх говорит, что наконечник имел три пальца в ширину и четыре в длину.

¹¹⁴ Деталь, указывающая на то, что слово *ὑπερος*, уже встречавшееся выше (Fort. Alex. 327 В; 341 С; Cf. Alex. 63,9) следует понимать не в переносном («булава, палица, дубинка»), а в прямом его значении: «пест, толкушка».

¹¹⁵ С именами тех, кто поспешил к Александру на помощь, ср. P l u t., Fort. Alex. 327 В; A g r ., Anab. VI, 11, 8; C u r t., IX, 5, 14—21.

¹¹⁶ О трудностях, с какими удалось извлечь из раны стрелу, подробнее см. у Курция Руфа (IX, 5, 22—30).

В за свое дело и не бояться (он еще ободрял тех, кто сам не был ранен!); одних, кто, отчаянно рыдая, его заживо оплакивал, он бранил, других обзывал дезертирами, которым не хватает смелости оказать ему помощь, он громко кричал, обращаясь к гетайрам: «Не будьте же трусами хотя бы ради меня! Врачи не верят, что я не боюсь смерти, раз моей смерти боитесь даже вы!»... ¹¹⁷

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К ПРИЛОЖЕНИЮ

- ALG — Anthologia lyrica Graeca, ed. E. Diehl. Fasc. 1. Editio tertia. Lipsiae, 1954
FHG — Fragmenta historicorum Graecorum, ed. C. Müller. Vol. 3. Parisiis, 1849
PLG — Poetae lyrici Graeci, ed. Th. Bergk. Editio quarta. Vol. 2, 3. Lipsiae, 1882

¹¹⁷ На этом месте текст в рукописях обрывается.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ